

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

ЕВГЕНИЙ
Сошкин

*

НИЩЕНКА В ДЕЛИ

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА 2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
С69

Сошкин, Е.

С69 Нищенка в Дели / Евгений Сошкин; предисл. А. Ровинского. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 152 с. (Серия «Новая поэзия»)

ISBN 978-5-4448-1823-7

Евгений Сошкин широко экспериментирует с повествовательными жанрами, от баллады до нового эпоса и от страшной сказки до «мокьюментари». В его стихах онейрические приключения переплетаются с путевыми набросками, авторские рассуждения и воспоминания звучат наравне с голосами множества персонажей — живых и мертвых, людей и животных, женщин и мужчин, детей и взрослых, предельная серьезность разговора с читателем органично сочетается с ироническим и саркастическим дискурсом, неброские стилевые архаизмы сообщают акустическую глубину злобе дня. Евгений Сошкин родился в 1974 году в Харькове. В Израиле с 1990 года. Защитил диссертацию об О. Мандельштаме (The Hebrew University of Jerusalem, 2014). Автор стихотворных книг «Лето сурка» (2011), «Из чукотского эпоса» (готовится к печати), монографий «Гипограмматика: Книга о Мандельштаме» (2015), «Bottlenecks: Hypotextual Levels of Meaning in Russian Literary Tradition» (2020), статей по истории, поэтике и теории литературы, соредактор журнала «Солнечное сплетение» (1998–2004), научных сборников «Империя N: Набоков и наследники» (2006), «Генделев: Стихи. Проза. Поэтика. Текстология» (2017) и др. изданий. Преподает в Свободном университете. Живет в Модиине.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии индийского декоративного блюда. Фото: Е. Сошкин

© Е. Сошкин, 2022
© А. Ровинский, предисловие, 2022
© С. Левин, фото, 2022
© И. Дик, дизайн обложки, 2022
© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

Бидермайер возвращается нерасколдованным

Ощущение колдовства, легкости, «таинственного веселья» остается для меня главным событием, связанным с чтением этой книги. Многие из вошедших в нее стихотворений неизменно поднимают мое настроение. Кажется невозможным не радоваться, читая о суетливом человеке, который, «как хренов поисковик», любит заканчивать за вас каждую фразу, и о товарище льве, рассказывающем заслуженному моржу о своей нубийской невесте.

Одновременно в этих стихах вместе с радостью, праздником — безусловно родственная новоэпической традиции заикленность на фрагментах, постоянные попытки развернуть текст в нечто более, чем трехмерное, раз за разом заканчивающиеся провалом, трагедией («Дерево листву роняет сразу, / Как сервиз»¹).

Десять лет назад, после выхода предыдущей книги Сошкина, «Лето сурка», Данила Давыдов написал в хронике «Воздуха», что язык автора «лишен гебраизмов, представляя собой некоторую дистиллированную форму радикального неомодернизма»², приводя в пример строки «дантовым серпантинном / я веду к живодеру / и свинку / и scarлатину»³ из раннего цикла Сошкина «Скажи шибболет», в котором парадоксальным образом само название оказывалось именно гебраизмом.

В том же цикле обнаруживается на первый взгляд неожиданная перекличка с Николаем Кононовым — «она сплавляла по весне / реке в рукав / лугам навывпас»⁴

¹ «Щ. д.» («Нищенка в Дели»).

² Давыдов Д. [Рец. на «Лето сурка»] // Воздух. Хроника поэтического книгоиздания. 2011. № 4. С. 252.

³ Сошкин Е. Лето сурка. М.; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2011. С. 26.

⁴ Там же. С. 36.

(сравним с классическим кононовским «В паху долины спит / Руки река»¹). Случайно или нет, но по крайней мере сами интонации Кононова и Сошкина оказываются родственными, в том смысле, что акценты в стихотворениях расставляются схожим образом — и здесь мы можем согласиться с тезисом Давыдова о «дистиллированных формах», во всяком случае если иметь в виду ту стадию дистилляции, которую называют «чистая, как слеза».

«Литература не приносит новостей, она актуальное делает вербальным, осмеливается говорить о подразумеваемом, но еще не произнесенном» — говорит Кононов в одном из своих недавних интервью², и это лучшее из всего, что я сам мог бы сказать о стихотворениях Сошкина, — в них сообщаются срочные новости о пьяных медведях, катающихся в наших пещерах и ломающих сталагмиты, светящиеся в местах надлома флюоресцентным свечением. И здесь, в стихотворении о медведях, обнаруживается важное отличие поэтики Сошкина от любых других, кажущихся нам родственными: его стихотворения удивительным образом поддаются пересказу, очередному отражению в зеркале, как народные сказки, передаваемые из уст в уста, или как фантастические детские истории. Иногда автор сам вручает нам ключи к своим текстам, — одно из стихотворений называется «Деревенская баллада (Яэль)», где Яэль, конечно, имя не только героини этого стихотворения, спроецированной на библейскую Иаиль, но еще и имя дочери Сошкина. Многие его стихотворения берут начало от рассказов, либо отдельных фраз ребенка — и эти частицы детской речи оказываются щелчком, огнивом из сказки Андерсена, и, наконец, тем огнем, что в ночь идет, и плачет, уходя.

¹ Кононов Н. Пароль. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 31.

² Кононов Н. Без нарушения границ нет литературы: Интервью журналу АртМосковия. 2021. 9 июля (artmoskovia.ru/nikolaj-kononov-bez-narusheniya-granits-net-literatury.html).

Никто не ждет от огня или от молнии никакой логики и никакой линейности — соответственно, подобно природным явлениям, развиваются и стихотворения Евгения Сошкина. При этом ему чудесным образом удается легко избегать всяческих «классных штук», «вау-эффектов», излюбленного инструментария наследников советской поэтической школы, на которые, как на гром через секунду после молнии, предсказуемо радостно отреагирует читатель (да, кстати, невозможно отрицать, что некоторая линейность обнаруживается и в молниях).

Во всяком случае, во время грозы не вспоминают о продолжателях славных традиций громов и молний, о «предшественниках» и о «наследниках». Иными словами, дело, конечно же, не в том, что поэтика Сошкина находится в некоторой нулевой точке и он никому не наследует. Но, находясь в эпицентре не просто шторма, а именно стихийного бедствия, каким представляется нам современный российский «литпроцесс», автору приходится быть самим собой, то есть стоящим у истоков истории Ноем, спасителем старых и создателем новых гармоний и наречий.

*

Стихотворения этой книги похожи на фейерверки, готовые взорваться, превратиться в романы и кинофильмы, причем в абсолютно разные для разных читателей или зрителей, — либо, наоборот, свернуться в единственное слово, линию, созвучие, которыми все уже сказано, после которых уже нет необходимости браться за сочинительство («хорош икать уже говорит себе маленькая старьевщица»¹).

Кажется, что как раз это стихотворение о детях-старьевщиках можно взять за образец, чтобы попробовать разобратся с тем, как устроены тексты «Нищенки в Дели», —

¹ «детям-старьевщикам принадлежит запруда вещей...» («Нищенка в Дели»).

*детям-старьевщикам принадлежит запруда вещей
нанесенных потоком стиснутых в страшной давке*

Здесь, как и в давнем «Скажи шибболет», есть «реки рука», поток старых вещей, который совершенно естественным для автора образом преобразуется в поток времени. «Дети-старьевщики», соответственно, становятся «стареющими детьми». Перед нами полотно времен Возрождения, пастораль (вспоминается, опять же, «Как у Джорджоне — вид / Издалека»¹), картина, на которой отчетливо видны мельчайшие детали и где слово «Лета», безусловно, не произносится и не читается, — но исключительно потому, что сказать прямо о ужасе старения прекрасных детей не просто неприятно, но еще и страшно. В надежде забыть о наваждении поток стихотворения делает резкий, полный разворот на 180 градусов — и на свалке появляется предмет, сразу же нарушающий логику и свалки, и реки, и всего стихотворения, — мороженое:

*девочка мальчику передает эскимо
мальчик девочке вытирает уголок рта
на девочку ни с того ни с сего нападает икота*

— и, наконец, следует совершенно симфоническое крещендо последней строки, приведенной нами выше, — девочка уговаривает саму себя остановиться, и сказана эта единственная фраза настолько прекрасным образом, что читатель уже не может забыть о том, что за река и что за запруда ожидает детей впереди.

Здесь будет уместно вспомнить о Сошкине как филологе, и, в частности, исследователе творчества Анны Горенко. «В качестве поэта Горенко осознавала себя посре-

¹ Кононов Н. Пароль. С. 31.

дующим звеном между живыми и мертвыми», — пишет он в статье «От адамова яблока до Адамова языка»¹. Кажется очевидным, что горенковской «стихией медиативности» оказываются захвачены как авторы ее круга, так и филологи, работавшие с ее текстами (Сошкин принадлежит к обеим категориям одновременно).

Образ иглы, столь важный в поэтике Горенко, длится в текстах «Нищенки», где уже сама «жизнь горит и без воздуха / пролетает сквозь воду / тянется сквозь иглу»².

Горенко располагается в текстах этой книги естественно, как в любимом кресле, которого у нее, вероятнее всего, никогда не было. Она и «Птица пират» в одноименном стихотворении («наутро я бросился / к богу утрат / и он приклонил / слуховой аппарат / но след ее в тучах / простыл уж горячий / той птицы / которую звали пират»³), и безымянная Русалка в «Балладе о зрителе маяка», и, наконец, обе нищенки, и та, которая в Дели, и другая, с харьковского вокзала, увиденная автором в детстве —

*ее совершенно космическая нищета
как большой взрыв творила мириады богов
мы все кто способен это писать и читать
равны перед ней в необъятности нашей славы*⁴

Сравнив эти слова с упомянутой выше статьей Сошкина о Горенко, легко убедиться, что в обоих текстах речь, фактически, идет об одном и том же человеке.

В конце концов эти нищенки, и эта русалка, и птица-пират приводят автора к большим, и уже чисто «шаманским» текстам-заговорам, полностью герметичным

¹ Сошкин Е. От адамова яблока до Адамова языка: территория Анны Горенко // Новое литературное обозрение. 2002. № 5.

² «жизнь горит и без воздуха...» («Нищенка в Дели»).

³ «Птица пират» («Нищенка в Дели»).

⁴ «Нищенка в Дели» («Нищенка в Дели»).

и непрозрачным в отрыве от их собственного облака волшебства и мистицизма.

Сошкин как ученый погружен в русскую поэзию XIX и XX веков, но одновременно, на радость читателю (во всяком случае — мне, как читателю) он, как поэт, избегает столь милых сердцу каждого современного филолога тропинок постакмеизма.

Ни Мандельштам, ни Вагинов не слышны в стихотворениях «Нищенки», — и тем бóльшую радость приносят нам редкие затмения, в которые кто-то из них буквально «ощутим физически» (то есть «Шедшая впереди стала падать, / Но падала странно медленно»¹ — конечно, родственна тому прохожему, который «обернулся и качнулся», — но только зрительно, а не на уровне звука этих стихотворений). Затмение молниеносно заканчивается, и мы узнаём, что проходящая Сошкина «смахивала на цыпленка с пухом на голове», — что, опять же, направляет на нас солнечный зайчик от прохожего столетней выдержки («Асфальт размяк, нагрело солнце плешь!»).

Проходящая Сошкина «Сразу очухалась и принялась уверять, что с ней все в порядке, полный порядок», — и во всей этой заурядной и страшной истории, в «суетливой поспешности», с какой случайные зрители и автор стихотворения помогают потерявшей сознание, и в ее спутнице («выше ее, вероятно дочь, тоже старая, лысеющая») — во всей этой жалкой и трепетной сцене нет ни тени акмеистического дрожания, никаких величественных профилей, только «затылок египетского образца», которым ударилась об асфальт несчастная. Читатель находится внутри короткой истории, становится ее героем, и, неожиданно, смотрит со стороны не на упавшую прохожую и ее предполагаемую дочь, но на себя самого («Она стала показывать, как она может станцевать, а дочь продолжала плакать»).

¹ «Шедшая впереди стала падать...» («Нищенка в Дели»).

В этом коротком тексте, полностью лишенном привычной нам логики, сжат, сконцентрирован совершенно новый вид поэтического высказывания, мгновенно захватывающий меня — уже не как читателя, но как одного из режиссеров крохотной пьесы, — и если бы меня попросили привести пример стихотворения Сошкина, близкого к тому призрачному направлению в современном стихосложении, которое мы называем новым эпосом, — я бы, не сомневаясь, выбрал «Шедшую впереди».

Гул недоговоренности, из раза в раз образующий новую динамику, когда «сон не выдерживает конструкций будущего времени»¹ и все внутреннее устройство стихотворения оборачивается живым существом, для которого «смерть пышна жизнь коротка»², а сутки длятся в новом, «керамическом исчислении»³, длятся вослед за костыльницей, девой с водонапорной башни, сообщающей нетвердому пешеходу — «я не принадлежу к людям вашего времени»⁴.

Арсений Ровинский

¹ «какие-то непостижимые колкости говорятся во сне...» («Нищенка в Дели»).

² «черная как миланский нагрудник...» («Нищенка в Дели»).

³ «Бидермайер» («Нищенка в Дели»).

⁴ «с тех пор как старый герман...» («Нищенка в Дели»).

+++

братец крум а братец крум тормошит за плечо карлуша
ну чего тебе выходя из задумчивости отзывается крум

трушу я братец не рассказать как трушу
врешь врешь ты еще не вдоволь напуган старый ты врун

но завтра завтра когда солнце вскрытым консервом
потечет по брусчатке через дворики напролом...

полно братец ты уж накаркал в тысяча девятьсот сорок
первом
и в тысяча восемьсот одиннадцатом и в тысяча двести
сороковом...

крум помолчал и ответил прочистив горло
не сочти меня оптимистом я не таков

но что бы там ни говорил теодор адорно
бог пошлет нам туристов и мясных пирожков

15.II.22

+++

со мной жила филолог-русист
говорила у моря с дактилическим ударением
говорила обстирывать ребятишек
потом вдруг
лежа лицом в потолок лесного коттеджа
совершенно не помню бензоколонок у нас в свердловске

куда пропал натуральный
латышский акцент
с которым она так скоро
произносила совершенно не помню

26.XII.21

+++

хозяин когда женился
вздумал освежиться прямо в чулках
спасите кричал тону
слуги смеялись угодливо
думали барин для потехи изобразил
как наемни в речке барахтался
да и где это видано
чтоб человеку утонуть в рыбном садке
вот так и утонул взаправду

если спросите обо мне
жить бы мне поживать
хоть до двадцати лет
на мою-то пенсию
что назначил мне добрый король во время прилива
доброты
но я улучил момент
вставил носок ботфорты в приоткрытую
дверь префектуры и в два счета
получил место главного дознавателя
каждый божий день с восьми до пяти
курил крепкий табак
допрашивал фальшивомонетчиков
смутьянов
детоубийц
вырывал признания
то бывало
заявится простуженный субъект
с просьбой о христианском участии
ради старой вражды

то еще бывало заглянет сам
господин префект
справится о здоровье супруги
мягко распорядится пролонгировать пытку
и тут живущая во мне большая белая мышь
проглоченная целиком как прямая улика
встрепенется порозовеет вся от ушек до хвостика
возрадуется всеми своими сорока хромосомами

23.XII.21